

Примечания

¹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин М., 1976. Т. 19, кн. 1. С. 194. Далее ссылки на издание даются в тексте.

² Многоуровневый анализ «Благонамеренных речей» как цикла представлен в работах: *Бушмин А. С.* Сатира Салтыкова-Щедрина / А. С. Бушмин. М.; Л., 1959. Гл. 4; *Покусаев Е. И.* Революционная сатира Салтыкова-Щедрина / Е. И. Покусаев. М., 1963. Гл. 6; *Кузнецов Ф. Ф.* Благонамеренные речи: [Вводная ст.] / Ф. Ф. Кузнецов // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. / гл. ред. С. А. Макашин. М., 1971. Т. 11; *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы: биография / С. А. Макашин. М., 1984.

³ *Матвеева Н. П.* Библизмы в русской словесности: словарь-справочник / Н. П. Матвеева // Русская словесность. 1993. № 2–5; 1994. № 2–6; 1996. № 1–2 и др.

⁴ См.: Русская речь. 2001. № 2.

⁵ *Макашин С. А.* [Вводная заметка к очерку «К читателю»] / С. А. Макашин // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М., 1971. Т. 11. С. 550. Далее ссылки на издание даются в тексте.

⁶ Библейская энциклопедия / труд и изд. архимандрита Никифора (М., 1891). Репринт. изд. М., 1990. С. 584–585.

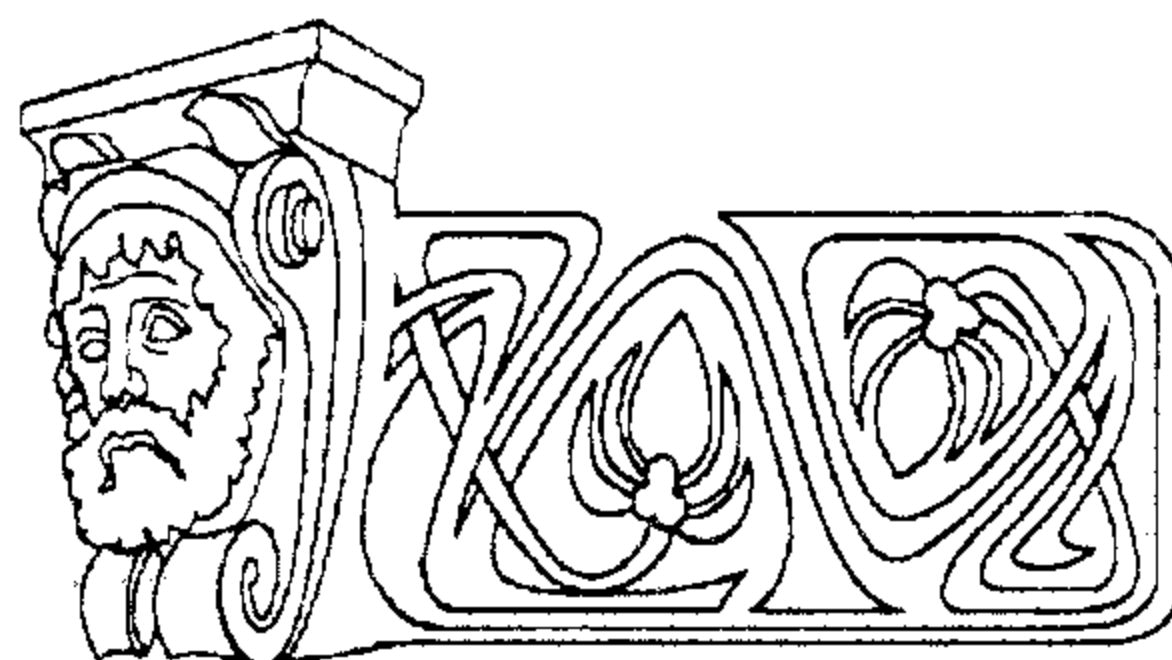
⁷ Разъяснение смысла этого библейского сюжета смотри в разделе втором статьи, посвященной очерку «Отец и сын».

УДК 882.09-94+929 Салтыков-Щедрин

ТВОРЧЕСТВО М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ЖУРНАЛЬНЫХ НЕКРОЛОГИЧЕСКИХ ОТКЛИКАХ (предварительные заметки)

И. А. Книгин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

Обосновывается необходимость обращения к некрологическим статьям, появившимся после кончины того или иного писателя, говорится о значении публикаций некрологического и мемуарно-биографического характера, объединивших вокруг имени М. Е. Салтыкова-Щедрина представителей разных эстетических и литературно-критических ориентаций.

The works of M.E. Saltykov-Shchedrin in magazine obituaries (preliminary notes)

I.A. Knigin

The article substantiates the necessity of addressing obituaries and asserts the importance of obituaries, memoirs and biographical publications that consolidated people of different esthetic and literary critical persuasions around the name of M. E. Saltykov-Shchedrin.

Сегодня по-разному можно относиться к минувшему, расставлять различные по сути своей акценты и ударения, но то, что осталось публично зафиксированным в разнообразных изданиях, остается непреложным фактом.

Чтобы не отвлекаться на субъективные наблюдения и обобщения, приведу такой пример. В 1981 г. в популярном издательстве «Современник» в серии «Библиотека «Любителям российской словесности. Из литературного наследия» увидела свет подготовленная профессором И. В. Кузнецовым книга

«Часть общепролетарского дела: Литературная критика в дореволюционных большевистских изданиях». Хорошая, безусловно, полезная и содержательная книга. Обращают же на себя внимание, в первую очередь, произвольно и лакейски подобострастно составленные примечания. Судите сами. На странице 364, скажем, можно прочитать: «Аякс – псевдоним буржуазного критика и беллетриста А. А. Измайлова. <...> Глинский Б. Б. – редактор консервативно-монархического журнала «Исторический вестник». Журнал издавался в Петербурге с 1880 по 1917 год. <...> Мазуркевич В. А. – поэт-декадент. <...> Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) – русский советский поэт. <...> П. Я. – Якубович Петр Филиппович (1860–1911), русский поэт, как революционер-народник, в 1887–1903 гг. отбывал каторгу и ссылку»¹. В таком же духе вопиющей нетерпимости составлены все примечания к названному изданию.

Существенно другое: подобная тенденция, связанная с восприятием творчества Салтыкова-Щедрина, легко прослеживается

и в характеристике когда-либо писавших о нем современников и многочисленных исследователей-щедринистов.

Некрологические или, как аттестовал их С. А. Макашин, «поминальные» статьи, вне всякого сомнения, сыграли огромную роль в постижении и осмыслении творчества сатирика широкими и самыми разнообразными кругами российских читателей, однако их исследовательская оценка ныне нуждается в весьма существенных коррективах.

Прежде всего хотелось бы обратить самое пристальное внимание на один любопытный факт: у нас принято считать, что представители различных эстетических направлений в критике слишком противоречиво и по-разному оценивали произведения Салтыкова-Щедрина по мере их появления перед читательской публикой. Отчасти это справедливо. Но лишь отчасти; невольно вспоминаются Д. И. Писарев да еще несколько имен.

Однако некрологические статьи и публикации мемуарно-биографического характера буквально объединили всех. Достаточно вспомнить М. А. Протопопова и К. К. Арсеньева, В. В. Чуйко² и Л. Е. Оболенского³, А. П. Пятковского и О. Ф. Миллера... В их выступлениях прослеживается удивительное единодушие в понимании, представлении и трактовке не только жизненного пути писателя, его редакторской деятельности, но и в истолковании отдельных произведений, в стремлении включить их в общий контекст щедринского творчества. Причем здесь нередко встречаются очень важные и интересные наблюдения над поэтикой сатирика, частично впоследствии востребованные русской и советской историко-литературной наукой, но в большинстве своем оставшиеся своеобразными пунктирами в обрисовке конкретных линий будущего постижения щедринского наследия.

Ярким примером тому может служить такой пассаж из некрологической статьи О. Ф. Миллера, появившейся на страницах журнала «Русская старина»: «Пошехонская старина» – это своего рода оправдательные документы <...> к величайшему из произведений Щедрина – «Господам Головлевым». Внимательное изучение этого последнего дает настоящий ключ к настоящему понима-

нию Щедрина – и его задушевнейших идеалов, и того, против чего направлялась самая сущность его сатиры. Перед нами патриархальная семья крепостной поры, управляемая своею государыней-матушкой. <...> Она, по видимому, всю себя посвятила своей семье, <...> но она никогда не видит в членах этой семьи живых людей с свободной человеческой душой; она никогда не говорит о той «государыне совести», с которою и сама не справляется; <...> она держит их всех под постоянным гнетом, то карая, то милуя и выбрасывая провинившемуся кусок, она прибегает к подслушиванию и наушничанию, упражняя в этом того, кто представляется ей любимцем. <...> И что же? она, наконец, видит крушение своей власти, она слагает ее перед своим «любимцем» и убеждается в том, каков этот ласковый теленок, обращающийся в хищного волка целой семьи. А читатель присутствует и при окончательной гибели всей семьи – при ее вымирании в иносказательном и даже буквальном смысле. <...> Стоит только перенести те же руководящие начала в другую сферу – более широкую, – и для нас сделаются ясными причины той деморализации (разрядка О. Ф. Миллера. – *И. К.*), в силу которой и в целом обществе может «пропасть совесть» (о чем говорится в одном из очерков Щедрина). Этою-то давнишнею деморализациею, следствием давнишней ложной системы, и объясняется возможность крушения самых лучших мероприятий, если к ним обращаются слишком поздно»⁴.

В связи с весьма примечательными, глубоко продуманными и обоснованными сентенциями Ореста Федоровича Миллера невольно вспоминаются строки из очень интересной и, кажется, пока по достоинству не оцененной книги П. Д. Боборыкина «За полвека: (Мои воспоминания)», где встречается свидетельство об одном из эпизодов культурной жизни 1870-х гг.: «<...> вкус к слушанию научных и литературных публичных лекций разросся так, что я был изумлен, когда попал в первый раз на одну из лекций по русской литературе Ореста Миллера в Клубе художников. <...> Рядом с Ор. Миллером читал там проф. Сеченов по физиологии и собирал огромную аудиторию; читали и другие. <...> Такого клуба не находил я и за

границей, ни в Париже, ни в Вене. В нем было тогда и занимательно, и разнообразно, и весело: давались спектакли, танцевальные вечера, обеды, ужины, ставились живые картины»⁵.

Приведенная цитата лишь подчеркивает, насколько Миллер, действующий профессор университета, литературовед и критик, был известен и популярен среди умственных кругов России.

Тем не менее ни он, ни многие другие достойные современники Салтыкова-Щедрина не стали своеобразными ориентирами в освоении и адекватном прочтении щедринских строк для потомков.

В этом плане примечательной кажется обзорная статья А. В. Ефремина, правоверного большевика и по совместительству литературоведа-щедриниста, «Борьба за Щедрина: Отклики на смерть Салтыкова», опубликованная в знаменитых 13–14 номерах «Литературного наследства», посвященных Салтыкову-Щедрину, в 1934 г. Думается, весьма содержательным может показаться первый абзац этого примечательного обзора: «Не будет большим преувеличением, если мы скажем, что из русских писателей XIX в. ничья смерть не вызвала такой бури, таких споров, как смерть М. Е. Салтыкова-Щедрина. Смерть Пушкина потрясла верхушку дворянской либеральной интеллигенции. Кончина Некрасова родила уже демонстрацию демократических слоев Петербурга. О похоронах Достоевского дочь его с умилением рассказывает: «Когда гроб, наконец, приблизился к монастырю, <...> монахи вышли из главных ворот и пошли навстречу... подобную честь они оказывали лишь царям». <...> Смерть Тургенева вызвала прокламацию народо-вольцев. У могилы Салтыкова-Щедрина произошла доподлинная свалка представителей различных групп и направлений»⁶.

Ныне существует очень полная и тщательно составленная библиография Нат. Эфрос «Отклики печати на смерть Салтыкова» (в том же томе «Литературного наследства», критико-библиографический раздел которой, не считая появившихся тогда же посмертных щедринских публикаций, стихотворений, посвященных памяти писателя, воспоминаний о нем, составляет около трех сотен наименований)⁷.

...Убежденный социалист, крупнейший теоретик мирового пролетарского движения, учёный и литератор А. А. Богданов в статье с примечательным заголовком «О художественном наследстве», опубликованной во 2-й книжке журнала «Пролетарская культура» за 1918 г., заметил: «Верующий человек, серьёзно и внимательно изучающий чужую религию, подвергается опасности совратиться в неё или усвоить из неё что-нибудь еретическое с точки зрения его собственной веры. Так, учёные христиане, исследователи буддизма, случалось не раз, делались сами буддистами вполне или последователями нравственного учения буддизма; но бывало и обратное»⁸.

...В доступных у нас теперь для чтения и осознания воспоминаниях Р. В. Иванова-Разумника постоянно сопрягаются два, казалось бы, несопоставимых имени – Салтыков-Щедрин и Блок. Однако они-то и стали предметом самых серьёзных штудий одного из гениальных историков литературы и ярчайших литературных критиков ушедшего столетия⁹.

...А заключить мои заметки хочется цитатой, великолепно объясняющей суть не только щедринских исканий, но и размышлений тех литературных критиков, которые впервые, потому и в наиболее ответственное время, пытались объяснить широким российским читательским кругам главные мотивы творчества писателя. Замечательный русский мыслитель и очень любопытный, «независимый» прозаик В. Кормер в статье «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура» сформулировал и теперь обоснованно-убийственный аргумент в адрес так называемой нашей интеллигенции: «Итак, на всем бытии интеллигенции лежит отпечаток всепроникающей дозволенности. Интеллигенция не принимает Власти, отталкивается от нее, порою ненавидит, и, с одной стороны, меж ними симбиоз, она питает ее, холит и пестует; интеллигенция ждет крушения Власти, надеется, что это крушение все-таки рано или поздно случится, и, с другой стороны, сотрудничает тем временем с ней; интеллигенция страдает, что вынуждена жить при такой Власти, и вместе с тем, с другой стороны, стремится к благополучию. Происходит совмещение несовместимого. Его мало назвать

конформизмом, конформизм – это вполне законное примирение интересов путем обоюдных уступок, принятое в человеческом обществе повсеместно. Недостаточно также обличать поведение интеллигенции как *приспособленчество*. Это было бы односторонней трактовкой. Приспособленчество – это уже производная от более глубоких процессов. Если это и *лакейство*, то лакейство не заурядное, а лакейство с вывертом, со страданием, с «достоевщиной». Здесь сразу и ужас падения, и наслаждение им; никакой конформизм, никакая адаптация не знают таких изощренных мучений. Бытие интеллигенции болезненно для нее самой, иррационально, шизоидно»¹⁰.

Примечания

¹ Часть общепролетарского дела: Литературная критика в дореволюционных большевистских изданиях. М., 1981. (Б-ка «Любителям российской словесности. Из литературного наследия»). С. 364.

² См.: Книгин И. А. Творчество Салтыкова-Щедрина в оценке В. В. Чуйко / И. А. Книгин // М. Е. Салтыков-Щедрин. Проблемы мировоззрения, творчества, языка: материалы конференции. Тверь, 1991. С. 105–114.

³ См.: Книгин И. А. Сатира Салтыкова-Щедрина в критических откликах Л. Е. Оболенского / И. А. Книгин // Салтыков-Щедрин и русская литература. Л., 1991. С. 101–112.

⁴ Миллер О. Ф. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин / О. Ф. Миллер // Рус. старина. 1889. № 6. С. 751–752.

⁵ Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. / П. Д. Боборыкин. М., 1965. Т. 2. С. 145.

⁶ Ефремин А. Борьба за Щедрина: Отклики на смерть Салтыкова / А. Ефремин // Лит. наследство. М., 1934. Т. 13/14. С. 201.

⁷ См.: Эфрос Н. Отклики печати на смерть Салтыкова: библиография / Н. Эфрос // Лит. наследство. М., 1934. Т. 13/14. С. 247–274.

⁸ Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет / А. А. Богданов. М., 1990. (Б-ка социалистической мысли) С. 426.

⁹ См.: Иванов-Разумник Р. В. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. 2000. М., 2001. С. 161–163. (Россия в мемуарах)

¹⁰ Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура / В. Кормер // Вопр. филос. 1889. № 9. С. 72.

УДК 840.09-2 + 882.09-2

ПОЭТИКА РОМАНТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ «МОСКОВСКОГО ТЕЛЕГРАФА»

Н. А. Попкова

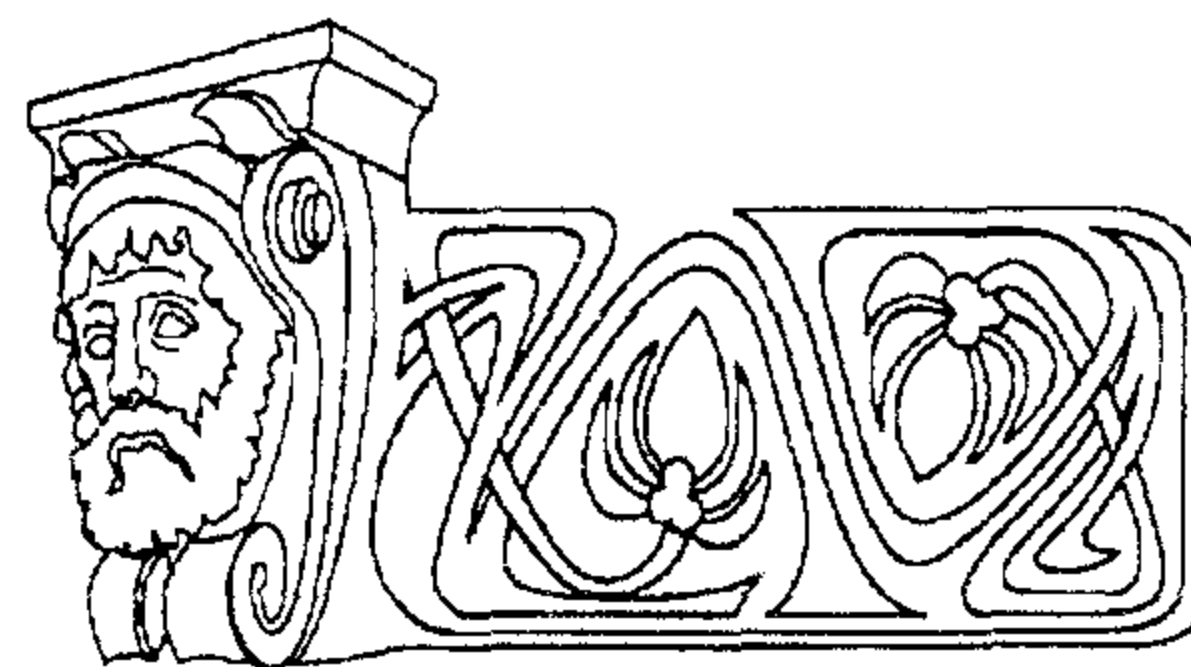
Зональная научная библиотека им. В. А. Артисевич,
отдел редких книг и рукописей
E-mail: ork@sgu.ru

В статье показано, что публикация работ теоретиков французского романтизма в «Московском Телеграфе», издаваемом Н. А. Полевым, свидетельствовала о процессе глубокого осмысления законов нового драматического искусства, который происходил во французской и русской литературах. Систематическая разнообразная по жанрам подобная публикация помогала русскому читателю освоить опыт романтиков, отвечала их потребностям приобщения к величайшему перевороту в литературе, каким явилась победа романтизма над классицизмом.

Poetics of the Romantic Drama in the Published works of «Moscow Telegraph»

N.A. Popkova

From the article it becomes clear that the publication of works of theorists of French romanticism in «Moscow Telegraph», issued by N.A. Polevoj, shows the process of deep understanding of rules of new dramatic art, which occurred both in French and Russian literatures. Systematic, different by genre, such publications helped the Russian reader to comprehend the experience of romantics, answered their needs to come in touch with the great change in literature, and this change was the victory of romanticism over classicism.

Известно, что формирование идейно-эстетической программы романтизма в русской литературе неразрывно связано с деятельностью «Московского Телеграфа» и его издателя Н. Полевого. «Романтизм – вот слово, написанное на знамени этого смелого, неутомимого и даровитого бойца»¹.

Среди теоретических материалов «Московского Телеграфа» значительное место занимают отмеченные в своё время Н.К. Козминым статьи о французской литературе и театре, принадлежащие французским авторам². Вопрос о том, какую роль сыграли они в процессе выработки эстетической программы «Московского Телеграфа», по какому принципу выбирались они Н. Полевым и как подавались русскому читателю – ещё не